

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

и

БОРИС АКУНИН

представляют

**БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Русь изначальная
Русь Великая

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Евпраксия
Ярослав Мудрый

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА

Сказание об Ольге

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Вещий Олег
Владимир Красное Солнышко

ВАСИЛИЙ ЯН

Чингисхан
Батый

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Жестокий век

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

Иван III — государь вся Руси

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

Ратоборцы

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

АЛЕКСЕЙ
ЮГОВ



РАТОБОРЦЫ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю15

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Дизайн переплета — *Яна Половцева*

Югов, Алексей Кузьмич

Ю15 Ратоборцы : [роман-эпопея] / Алексей Югов. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 640 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-092541-4

Библиотека проекта «История Российского Государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Знаменитый исторический роман-эпопея повествует о событиях XIII века, об очень непростом периоде в русской истории. Два самых выдающихся деятеля своего времени, величайшие защитники Земли Русской — князя Даниил Галицкий и Александр Невский. Время княжения Даниила Романовича было периодом наибольшего экономического и культурного подъема и политического усиления Галицко-Волынской Руси. Александр Невский — одно из тех имен, что известны каждому в нашем Отечестве. Князь, покрытый воинской славой, удостоившийся литературной повести о своих деяниях вскоре после смерти, канонизированный церковью; человек, чье имя продолжает вдохновлять поколения, живущие много веков спустя.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092541-4

© В. Akunin, 2015
© А. Югов, наследники, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Ольге Юговой

КНИГА ПЕРВАЯ
ДАНИИЛ
ГАЛИЦКИЙ

Крепка Русь – все переборет!
Древняя карпато-русская поговорка

1

В лето нашего исчисления 1245-е, на исходе июля, огромное, громоблистающее доспехами, сверкающее красками многоцветных одеяний, многоплеменное воинство короля мадьярского Бэлы двумя чудовищными потоками перехлестнуло Карпаты и крепко облегло Перемышль.

– Угры идутъ!.. – Угры в Гору вступили!.. – Угры через Горбы перешли!^[1] – так, от вершины к вершине, от одного русского горного села к другому, сперва огнем и дымом костров, зычным звуком гуцульской, в рост человека, па-стушьей деревянной трубы, а там уже и нарочными – вершниками, насмерть загонявшими сменных коней, – мчалась весть о мадьярском вторжении.

Князь Данило Романович был в то время в Холме, в своем излюбленном граде, который сам создал и дивно измечтал – и домами, и великими башнями, и храмами.

Пособником князю в том был простой человек, некий «русский хытрец Авдей», великий зодчий, каменотесец, ваятель, живописец и градодел.

Здания, им созданные, и величием и красотой не уступали творениям древних. Созидал он их из камня теса-

ного – галичского белого, зеленого холмского – и из мраморов багряных.

Город, светившийся золотом куполов, стал на месте прекрасном, лесистом, на огромном холме, оттого и «Холм да будет имя ему!» – сказал князь. Отовсюду приходили к нему строители городов, градodelы – каменотесы и плотники. И мастеров разных множество – умельцев – стекалось к нему: и панцирники, и кольчужники, и кузнецы – по железу, серебру, меди; а и такие, что умели строить осадные тараны и камнеметы. И с Запада бежали, из чужих стран, больше же всего от татар уходил народ, с Востока: до Карпатской Руси тогда еще не досягало Ордынского иго. Даниил не платил еще дани татарам. И народу у него жилось куда вольготнее, чем во Владимире, Суздале или в Нижнем Новгороде...

На другой же день по вторжении венгров Даниил созвал чрезвычайный военный совет. Поднятые затемно, отнюдь не изумились тому ни Андрей – «дворьский великий»^[2] и воевода, ни Кирило – хранитель печати, канцлер, ни Мирослав – престарелый дядько-воевода: ведомо было им, что и в том князь их истый Мономашич: «Да не застанет вас солнце на постели!»

Ожидать не пришлось: князь скоро вошел – такой, как всегда: высок, строен, широк в плечах, сдержанно-стремятелен.

Темные, с золотизной и кое-где с блеснувшей раннею сединою, волнистые волосы Даниила, чуть раздвоенные над лбом, сзади ниспадали почти до плеч. Небольшая, слегка кудрявившаяся по краям борода была подстрижена.

На князе его обычная, излюбленная одежда: тонкого синего сукна княжий плащ – корзно, подбитый алым дамасским шелком, застегнутый на правом плече золотой застежкой, так, что свободной оставалась правая рука. Под плащом, поверх широкого кожаного пояса, – расшитая, синего сафьяна, короткая безрукавка, расстегнутая

на груди, что из века в век носят русские горцы в Карпатах. Рукава бледно-розовой сорочки на запястьях застегнуты запонами крупного жемчуга. Синие широкие русинские шаровары охвачены у колена гибкими, облегающими ногу сапогами желтого хоза, без каблуков, на мягкой подошве. Слева, на кожаной, через плечо, перевязи меч отца, деда, прадеда – меч Романа, Мстислава, Изяслава.

Князь велел боярам садиться. Голос его был просторен и благозвучен. Множество больших восковых свеч в двух бронзовых свечниках на столе и в двух настенных, потрескивая и оплывая, ярко озаряли палату.

Райские птицы радости и печали – Алконост и Синрин – с женскими головами, Александр Македонский – на грифонах; голуби, и лилии, и просто арабески – травы по золотой земле, тем же великим мастером сотворенные из разноцветного стекла и египетской эмали, дивно изукрашали стены.

Прямо напротив князя, на стене, разноцветным же стеклом выложенный, величиною в столешницу большого стола, – чертеж Волыни, Галичины, Буковины и Поднепровья – вплоть до Русского моря.

Реки большие: Днепр, Днестр, Дунай, Висла-река, и Неман, и два Буга – Южный и Западный – проложены на том чертеже золотым извилистым дротом, реки помельче – тонкой золотой проволокой.

Киев и города червенские: Галич, Перемышль, Владимир-Волынский, Грубешов, Дрогичин и, оба Даниилом созданные, Львов и Холм – означены крупными рубинами.

– Молвите, бояре, – сказал, взглянув на глухие завесы окон, князь Даниил.

И совет начался.

Было известно, что венгры ввалились на Галичину двумя ратями, пройдя Карпаты через двои ущелья – близ Синеводского и возле Лелесова монастыря. Означало ли это, что одна из тех армий двинется к Галичу – на юго-вос-

ток, а другая – к северо-востоку, на Владимир-Волинский?

– Нет! – единодушно подали голос все трое великих мужей княжих. – Сперва на обхват Перемышлю пойдут, а либо – к Ярославу.

– И я так же думаю, – молвил князь. – На Галич пострашатся пойти: Холм – в тылу! Та-ак! – проговорил он в суровом раздумье и гневно сдвинул брови. – А давно ли крест со мною целовал, грамоты крестные со мною писал? Бэла-рэкс!^[3] – добавил он, усмехнувшись.

– Тут Ростислав баламутит, Михайлович! Это он тестя своего, Бэлу-короля, навел на нас... Ольгович! – с презрительно-скорбным вздохом сказал дебелый и ветходневный Мирослав – воевода и некогда воспитатель самого князя.

Даниил все еще старался перебороть клокодавший в нем гнев. Он щурил свои большие золотисто-карие глаза и в то же время большим пальцем левой руки, опертой на подлокотник кресла, слегка заглаживал кверху край бороды.

– Что ж! – наконец проговорил он. – Приятеля нашего Бэлу можно уразуметь: *divide et impera!*^[4] Но Ростислав кто, чтобы мадьяр на отечество наводить? Олега Гориславича семья! – сказал с горькою усмешкою Мономахич. – И ведь что творят! Еще же и Батыевой рати оскомины не сошла!.. Ну... стало быть, меч нас рассудит! – решительно заключил князь и встал.

Поднялись и бояре.

Еще раз, кратко и властно, отдал он им приказанья по войску, легким склонением головы ответил на их поясной, глубокий поклон и отпустил.

А войска под рукою у Даниила на тот час было мало. Враг же велик силою, яр и нагрянул вероломно.

Было время петь петухам, когда трое полномочных послов князя Галицкого поскакали в три разные стороны.

Первый – в Мазовию, сказать князю польскому Конраду: «Сын мой и брат! Я помогал тебе много, мстя за оби-

ды твои. А от вас мне помощи не было. Ныне же Болеслав Краковский ляхов своих шлет в помощь к мадьярам противу нас за то, что я помогал тебе. А полезай же, брат, на коня!»

– А не могут сами если пойти, – наказывал князь послу своему, – ать^[5] полки свои пустят!

Второй посол был в Литву, к Миндовгу. И властелину литовскому были те же слова: «Брат! Ты обещал нам помощь. Время сесть на коня! Самого тебя не зовем, но пусти нам помочь – либо с меньшою братьею, а либо с воеводами своими. И не медли, но поезжай не стряпая!^[6] Не забывай своего слова!»

Третьим послом был сам держатель печати, канцлер Кирило. Он мчал к Перемышлю, опережая русские войска, прямо в стан полководца мадьярского Фильния, одного из знатнейших баронов венгерских.

В пути канцлеру князя Галицкого стало известно, что Перемышль взят на щит армией венгров с поляками Болеслава, которых навел из Кракова на Червонную Русь все тот же Ростислав Михайлович Черниговский, зять короля венгерского Бэлы. Стало известно, что враг, перейдя на сю сторону Сана, двинулся вниз по реке – на Ярослав.

И все ж таки надлежало попытаться переговорами приостановить вторжение, заключить мир, а если уж не к тому пошло, то задержать врага сколь возможно, доколе пришлют помощь Конрад и Миндовг, если же не придут, то до тех пор, пока успеет прийти к Даниилу младший брат Васильке со своими волынцами.

Город Ярослав – еще Владимиром Киевским Великим ставленный город в честь и во имя сына его Ярослава – на левом берегу мутнотекущего Сана, на отрогах и увалах Карпат. Город-сторож!

Знал про это Данило Романович! Всякий раз подымал он и сызнава отстраивал многократно дотла чужеземными полчищами уничтожаемый город.

Каменные толстые стены и дубовые заборела на них вокруг Ярослава кое-где успели возвести высотой выше трех сажен, а где – и рукою с коня достать.

Ростислав с поляками Болеслава, движась на соединение к Фильнию, попытался было взять город нахрапом, но был отбит, и великий урон был в его полках, и отступил с великим бесчестьем.

Теперь, уже в составе мадьярской армии, Ростислав снова двинулся на облогу Ярослава.

Шли венгры в силе тяжкой, великое множество.

Страх и ужас упал на город. И храбрые иные смутились умом.

...Было знойно. Воздух стоял чист и прозрачен. Далеко, в знойном мареве, виднелись лениво-отлогие увалы Карпат, поросшие сизым непроходимым бором.

– Ведро... теплынь... благодать... – со вздохом промолвил боярин Кирило, осаживая на белом прибрежном песке стряхивавшего брызги воды вороного коня.

Только что под охраной небольшого отряда младшей дружины посол Даниила бродом перешел мутный Сан – мостов не было: их приказал пораскидать Фильний.

– Упомните, други, где тут брод! – велел своей охране посол.

Он сошел с коня. Дружинники развьючили поводных лошадей и раскинули на песке небольшой ковер. Поверх ковра они положили седло, чтобы сесть боярину, и помогли ему снять дорожную и облачиться в посольскую одежду: голубой шелковый кафтан, а сверху малинового цвета широкий мятель – подобие мантии. Боярин Кирило переобулся в сафьяновые узорные сапоги с золотыми шпорами, огляделся в круглое серебряное зеркало, что держал перед ним дружинник, расчесал гребнем слоновой кости благообразную седую бороду, поправил горностаем отороченную багряно-желтого рытого бархата округлую шапоч-

ку на белой челастой голове — и тогда только сызнава сел на коня.

— А посмотрим по месту, что нам Бог явит! — проговорил он.

Первым от реки стоял отдельно раскинутый лагерь Ростислава. После вчерашней попойки с венграми Ростислав проснулся не в духе. Он сидел у входа в шатер на складном, с подлокотниками, ременчатом стуле, в одной белоснежной шелковой сорочке, заправленной под синие шаровары, в мадьярских кавалерийских сапогах со шпорами.

Рукава сорочки были далеко завернуты на смуглых сильных руках. Князь сидел, наклоня голову, а его паж, мальчик лет четырнадцати, бережно, понемногу, лил ему из серебряного кумгана холодную воду на черноволосый, коротко остриженный затылок.

— Довольно, друже! — сипловатым голосом проговорил Ростислав Михайлович, протягивая руку за расшитым полотенцем и поднимая лицо.

Князю было не более тридцати. На красивом, смуглом, бритом лице торчали небольшие усы, на кончиках напомаженные.

Неслышно ступая по траве, к нему подошел угрюмый телохранитель гуцул и, поклонившись, промолвил:

— Княже, господине! Посол брата твоего, Данила-князя, приехал до тебя, господине!

Ростислав сумрачно ухмыльнулся.

— Иди расспроси его, с чем приехал! — приказал он и, словно бы ища одобрения своему необычному и для посла заведомо оскорбительному приказу, глянул на близ стоявших дружинников и венгров.

Телохранитель не двинулся.

— Княже! — упрямо повторил гуцул. — А хочеть только тебе молвити: с речами приехал.